

Galon-Kurkova, Krystyna

Русская панегирическая ода начала 19 [i.e. XIX] века

In: *Genologické studie. I..* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1991, pp. 345-356

ISBN 8021001240

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132281>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

IV. POEZIE

1. Lyrika

РУССКАЯ ПАНЕГИРИЧЕСКАЯ ОДА НАЧАЛА 19 ВЕКА

Krystyna Galon-Kurkowa (Wrocław)

Судьбы панегирической поэзии складывались в России, в силу известных исторических условий, иначе, чем в других европейских литературах. Привитая только к концу XVII века, она лишь в эпоху Петра 1 завоевала себе прочное место, чему содействовали и внелитературные причины; Петр признал этот тип поэзии существенным инструментом своей политики¹. Расцвет панегирической поэзии приходится на эпоху классицизма. Она передала своим литературным наследникам две основные модели жанра. Первая из них, связанная с именем М.В. Ломоносова, отличается гражданским пафосом. В оде этого типа лирическое "я" выступает как представитель общественного мнения, обусловленного историческим временем и точными границами географического пространства. В этой оде восхваляемое лицо является по существу лишь предлогом для излияния гражданских чувств². В свою очередь Г.Р. Державин заинтересован прежде всего личными качествами восхваляемого монарха, его моральным обликом. Следующей отличительной чертой державинской оды считается шутливая дистанция лирического "я" по отношению к самому себе, но - при сохранении всевозможных пропорций - также по отношению к восхваляемому поэтом коронованному адресату³. И в том, и в другом случае позиция панегириста вытекает из свойственной эпохе Просвещения рационализма, из веры в первичность и силу разума. Она позволяет поэтам выступать в роли "мудрецов" - менторов царей⁴.

В первые годы 19 века русская панегирическая поэзия почти без исключений связана с личностью Александра 1, с чьим восшествием на престол связывались большие надежды, основанные на самых разнообразных предположениях. Не были чужды эти надежды и А.Н. Радищеву, пронализировавшему "безумный и мудрый" минувший век. Характерно, однако, то, что свою оду Осмнадцатое столетие он оборвал на полуслове:

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою. 5
Гений хранитель всегда Александр будь у нас...

Автор "Путешествия из Петербурга в Москву" не стал панегиристом Александра⁶. Собственная его трагическая судьба вскоре показала, что сомнения, наряду с надеждой, скрывающейся под финальным многоточием, были обоснованы.

Никаких сомнений зато не было у Державина. "Певец фелиц" стал певцом Александра. Поэт припомнил свои стихи Из рождение в Севере пофигородного отрока, которыми в 1779 году он приветствовал наследника Екатерины, и в которых свое понимание концепции просвещенного абсолютизма он воплотил в морально-этическую формулу:

Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек!⁷

В момент коронации Александра поэт возвратился к своей формуле, обращаясь к тому, "кого воспел... в пеленах". Во время коронационных торжеств был Державин чрезвычайно активным. Он писал тексты хоров, исполнявшихся на музыку И. Козловского; жанр панегирической оды пытался оживить фольклорными мотивами, создавая образ "венчанного Леля". Стихи Державина неотступно сопутствовали молодому монарху в первые годы его царствования. Возвращаясь к конвенции фелиц, поэт изображал его как скромного, приветливого "царевича Хлора"; красоту государя и молодой императрицы он воспевал, показывая их в образах Аполлона и Дяфын, прогуливавшихся по набережным Невы.

Приведенные примеры показывают, что в дальнейшем центре внимания поэта будут находиться личные качества монарха, моральные и физические. Схотно рисует Державин портрет молодого Александра, например:

Белокур, голубоок,
Молод и лицом прекрасен,
Ростом строен и высок,
Тих, приветлив и приятен
Взору, сердцу и уму⁸.

Реалии, сопутствующие восшествию на престол нового императора, подсказывали панегирической поэзии определенную систему образов. Не было в ней, конечно, места для изображения и интерпретации мрачных событий, разигравшихся в Михайловском дворце. Почти все поэты, дружно умалчивая о недавнем прошлом, использовали символику, скрывающуюся в ассоциации: новое царствование - новое сто-

летие - весна. Державин остался в этом отношении верен мифологической эмблематике, изображая победу Зефира над Бореем; другие поэты, например: М. Невзоров, П. Сохацкий, В. Левшин, широко использовали поэтическую семантику солнца, вместе с новым царствованием одаряющего благодатным блеском России и ее жителей⁹.

Во всех панегирических произведениях появляется понятие народа. Оно, однако, занимает вторичную позицию по отношению к понятию власти, олицетворяемому монархом. Народ здесь не автономная категория; гарантией его существования и счастья является многократно подчеркиваемая, обнадеживающая молодость и положительные моральные свойства государя.

Чаще всего довольствуются поэты констатацией, что вот принял бразды правления достойный наследник Екатерины, который воскресит "прежние блага"¹⁰. Нередко появляется в одах образ самой императрицы, складывающей в руки внука царские регалии. Эта концепция, обходящая молчанием мрачные времена Павла с их трагическим финалом, в более широком измерении отражает сознание дворянства, воспитанного в интеллектуальном климате XVIII века с его идеями просвещенного абсолютизма. Обществу, подданым, она предназначает пассивную позицию, ожидание благ, текущих от трона.

На фоне таких стереотипных, часто в высокой степени конъюнктурных истолкований проблемы, в известной мере отличаются адресованные Александру карамзинские "коронационные" оды. Будущий автор Истории государства российского много внимания уделяет соотношению между монархом и его подданными. Карамзин, вслед за Державиным, принимает известную морально-этическую формулу:

У нас на троне - человек!¹¹

В карамзинской оде, однако, эти слова, в тонации категорического утверждения, произносит муза Клио. В связи с этим восхваление в известной степени переходит в историческое измерение, становится попыткой размышлений над закономерностями исторического процесса.

Эпоха Просвещения со всей остротой поставила проблему структуры общества и сущности власти. Революционно во всей Европе прозвучали заключения Руссо, плод его собственных раздумий, но и итог опыта почти двух столетий европейской исторической и политической мысли¹². Теория общественного договора ставит под сомнение

многовековую концепцию происхождения власти от самого бога. С ам-
нодами Руссо перекликаются и раздумья русских писателей XVIII века.
Радищев в оде Вольность выступал против ненавистного тирана, ко-
торый

Чело надменно вознесши,
Приял железный скипетр...
На громком троне властно севши,¹³
В народе зрит лишь подлу тварь.

Учитывая коренные идеологические различия между системами
взглядов автора Путешествия из Петербурга в Москву и автора Ис-
тории государства российского, следует отметить, что и для Ка-
рамзина неприемлема модель монарха-тирана. Соотношение между вла-
стью и подданными сводится у него к сфере морали.

Выступая в своих "коронационных" одах от имени "гласа обще-
го", Карамзин повторяет не новые мысли о том, что Россия являет-
ся избранной страной, а ее государь

Приял венец и скиптр с державой,
Чтоб быть примером для царей¹⁴.

Поэт воспроизводит в своих одах известную уже, "лomonосов-
скую" картину России, богатой, процветающей благодаря труду всего
народа.

Происхождение власти от бога для Карамзина не подлежит со-
мнению. Считая его бесспорным, поэт, однако -- согласно идеям эпохи
-- не меньшую роль приписывает мудрому закону, утверждая:

Там рабство, где законов нет¹⁵.

Закон, по мнению автора, является залогом гармонических отношений
между царем и его подданными. Поэт спрашивает:

... можно ли рабу любить?
Ему ли благодарным быть?

и отвечает:

Любовь со страхом не совместна,
Душа свободна одна
Для чувств ее сотворена.

Приведенные фрагменты показывают, что фактором, сцепляющим
общественный организм, считает Карамзин эмоциональные связи. Это
связи, подобные тем, которые объединяют традиционную патриархаль-
ную семью. Монарх в этом укладе изображается как pater patriae,

причем, в отличие от традиционных, монументальных воплощений этого образа, у Карамзина он показан в камерном, интимном освещении.

Постулируемый уклад общественных отношений считает Карамзин сущностью и гарантией непрерывности русской истории. Его образцы усматривает поэт в системе правления Петра и Екатерины. Аргументы же в пользу своей концепции он находит в устройстве самой Nature:

Сей дуб, Природой вознесенный,
Для низких древ не есть ли щит?
Пусть буря грозная свистит:
Мир слабый, дубом осененный,
Растет спокойно и цветет -
Так в обществе живет.

Для Карамзина, в мировоззрении которого христианское начало сосуществовало с пантеистической системой взглядов, приведенный аргумент является неоспоримым.

Иначе говоря, поэт показывает образ общества, "пленного", очарованного морально-этическим совершенством государя и проникнутого любовью к нему. Для Карамзина эта концепция является единственно приемлемой, разумной и моральной. Иерархия *ex definitione* заложена в структуре вселенной и поэтому "равенство одна мечта", а монарх отвечает лишь перед богом.

Обзор панегирической поэзии первых лет царствования Александра показывает, что она дает очень лестный и многообещающий образ царя. Независимо, однако, от этого факта, который можно и следует рассматривать в категориях конъюнктуры, панегирическая ода поставила ряд коренных вопросов, касающихся сущности власти, ее отношения к подданным, роли власти и общества в историческом процессе. В последующие годы, в процессе формулирования разнообразных ответов на эти вопросы, будет определяться в русском обществе современный тип национального самосознания и взглядов на социальную структуру.

В новом контексте проблема нации и народа появится в период последнего, в сущности, в русской поэзии, творческого подъема вслед панегиризма, вызванного победой над Наполеоном. Спать отзовется престарелый Державин, припоминая о своих прежних предвещаниях. Поэт продолжает культивировать свой изблженный образ монарха - ангела кротости и доброты. В новых исторических условиях к нему добавляются черты "цареводя". Сильнее, чем прежде, Дер-

жавин делает упор на атрибуты божественности в облике императора. Этот аспект доводится порой до предела. Поэт обильно вводит библейские мотивы, иллюстрирующие победу моральной силы над силой физической (напр.: победа Давида над Голиафом; агнец, побеждающий льва). Автор теряет чувство меры до такой степени, что воспользовавшись тождеством имен матерей, самого Александра отождествляет с Христом.

Восхваляя монарха, лишь ему приписывает Державин победу над врагом. Постуливаемая же роль народа - истинного победителя, о чем поэт молчит - состоит в обязанности любить своего государя и быть ему безгранично благодарным.

На фоне таких, доведенных Державиным до крайности концепций, по-новому прозвучали и воспринимались поэтические образы, зафиксированные в патриотических стихах В.А. Жуковского. В его произведениях, связанных с событиями 1812 г., рядом с известным идеальным образом монарха ставится и проблема народа. Внешним проявлением убеждений поэта является введение им в панегирическую оду песенной стихии, обновляющей традиционный жанр. В самой же системе взглядов автора к системе образов новизна является относительной. Стереотипен в патриотических одах Жуковского портрет царя. Автор вопреки фактам (в 1812 г. Александру исполнилось 35 лет) подчеркивает молодость монарха. Можно, однако, полагать, что названный прием вытекает не только из конъюнктурной мотивировки. "Юноша" Александр изображается поэтом в окружении престарелых вождей. Этот восходящий м.др. к оссианистским концепциям совести и "седого" опыта может обозначать непрерывности и неушишимости положительных начал исторического развития.

Для Жуковского победа является результатом совместных усилий всего многонационального общества страны, объединенного вокруг престола:

Войной Иртыш и Дон шумит,
Войной скалы Рифей.
Калмык, башкир, черкес и финн
К знаменам побежали,
И все оградой из дружин
Кругом престола стали ¹⁶.

Восходящий к традиции XVIII века "империяльный" образ народа-общества не является у Жуковского единственным. Поэт наблюдает

в обществе различия стремлений "отцов" и "детей", замечает "безмятежного селянина, воспитанника природы". Интересует его также

... смелый просвещения сны,
Алкавший свободы
Воспламенить во благо свой
Светильник вдохновенный¹⁷.

В конкретных исторических условиях, однако, все различия сглаживаются, подчиняясь чувству патриотического долга.

Шире разовьет Жуковский свою концепцию в поэтическом послании Императору Александру. Архитектоника произведения восходит к классицистическим образцам. Последовательная связь с традицией сказывается в его лексике, фразеологии, синтаксисе, композиции, стихотворном размере. При этом, однако, будучи панегириком Александра, послание Жуковского в не меньшей степени является похвалой России-победительницы. Последовательно христианское мировоззрение поэта наложило свой отпечаток на провозглашаемому им концепции власти, данной богом; выразилось также в мессианистском ореоле, которым он окружает свою родину.

Стносительно новым в содержании послания Жуковского является утверждение, что царь отвечает не только перед богом, но и перед своим народом. По мнению поэта лишь взаимность любви между монархом и его подданными обеспечивает благополучие страны и гармонию общественных отношений. В этом контексте появляется не встречавшийся до сих пор в панегирических строфах, образ царя как "сына Стечества". Стносительная модификация традиционной концепции власти в направлении формулы primus inter pares в системе образов находит выражение в интимной, психологической зарисовке образа адресата произведения:

Но что ты ощутил, когда твой взор веселый
Завидел вдалеке отечески пределы
И ветер, веющий из-под родных небес,
Ко слуху твоему глас родины принес?
Что ощутил, когда святого Петрограда
Вдали перед тобой возникнула громада?
Когда пред матерью колено преклонил...¹⁸

Представляя воображаемые мысли Александра в час, "когда лишь бодрствуют цари и провиденье", поэт снижает панегирический пафос; приписываемые царю мысли звучат как адресованный русскому монарху постулат трудиться для блага народа.

Дуковский не затрагивает в своем произведении социальных проблем sensu stricto. Появляющаяся в нем иуда в высокой степени абстрактна. Однако ее присутствие во всеобщем хоре благодарности и любви к Александру означает качественное изменение соотношения, "власть - подданные". Если традиционная панегирическая поэзия говорила о своеобразном "пленении" народа любовью к государю, то у Дуковского взаимная эмоциональная связь влечет за собой долг монарха перед народом:

Поверь народу, царь, им будешь счастлив ты.

Это новый и важный наказ, поскольку в новой исторической обстановке сам народ тоже является "преобразованным, исполненным жизни новой".

Формулируя эти постулаты, Дуковский руководствовался гуманными чувствами, не нарушавшими, по существу, консервативной сснсы его политических взглядов. Тем не менее, для молодых современников поэта его послание прозвучало как новое, обнадеживающее слово. Именно это имел в виду Пушкин, советуя А.А. Бестужеву:

Прочти послание к Александру (Дуковского, 1815 года).
Вот как русский поэт говорит русскому царю¹⁹.

Эти слова были написаны в конце мая - начале июня 1825 г., когда пушкинско-декабристское поколение утратило прежние иллюзии относительно реформаторских обещаний царя. В отличие от своих предшественников, в том числе и Дуковского, оно было устремлено в будущее, ожидало не воскресения "прежних благ", а коренного преобразования социально-политической жизни России.

В конце 1810-х годов, когда эти преобразования еще казались возможными, также молодая поэзия обратилась к жанру панегирической оды. Мы имеем в виду написанный в 1818 г. Петербург П.А. Яземского, который в старую форму вкладывает новое содержание. В отличие от Дуковского, поэт не обращается к царю с просьбой, а требует:

Реши, пусть будет скиптр свинцовый самовластья
И золотой закона жезл твоих претворен²⁰.

И хотя эти слова из первой, "краковской" редакции Петербурга в следующих вариантах текста уже появлялись, они свидетельствуют о кризисе жанра, не соответствующего идейным запросам нового,

воспитанного под знаменами 1812 года, поколения. Сии же являются одним из первых поэтических сигналов борьбы с царем, не оправдавшим надежд своего народа, предпринятой этим поколением во имя свободы.

Примечания

- 1 См.: Małek, E.: Panegiryk w życiu literackim Rosji drugiej połowy XVII - początku XVIII wieku, "Zeszyty Naukowe WSP w Białymostku". Studia filologiczne, z. 14, 1981, s. 5-19.
Serczyk, W.A.: Kultura rosyjska XVIII wieku. Wrocław, 1984, s. 46.
- 2 См.: Серман, И.З.: Русская поэзия начала XVIII века. Кантемироведение. Третьяковская. Ломоносов. В: История русской поэзии в двух томах. Ств. ред. Городецкий, В.П., т. 1, Ленинград, 1968, с. 76.
- 3 См. Серман, И.З.: Русская поэзия второй половины XVIII века. Державин. Там же, с. 134; Западков, А.В.: Поэты XVIII века (Ломоносов, М.В., Державин, Г.Р.). Литературные очерки, Москва, 1979, с. 181-182, 190-195.
- 4 На тему теории панегирика см.: S. Grabowski, O panegiryku, "Przebieg Humanistyczny" 1965, nr. 3, s. 101-110
- 5 Радишев, А.Н.: Снадцатое столетие. В: его же, Полное собрание сочинений, т. 1, Москва, 1938, с. 129.
- 6 См.: Кочеткова, Н.Д., Радишев, А.Н.: Снадцатое столетие. В: Поэтический строй русской лирики. Ств. ред. Фридендер, Г.М., Ленинград, 1973, с. 35.
- 7 Державин, Г.Р.: На рождение в Севере порфиородного отрока. В: его же, Стихотворения, Ленинград 1981, с. 27.
- 8 Державин, Г.Р.: Беседа с гением. В: его же, Сочинения... с пояснительными примечаниями Я. Грота, т. II, Санкт-Петербург, 1869, с. 248.
- 9 См.: Кочеткова, Н., Радишев, А. ..., с. 35-36.
- 10 Державин, Г.Р.: На восшествие на престол императора Александра. В: Сочинения..., т. II, с. 228.
- 11 Карамзин, Н.М.: На торжественное коронавание Его Императорского Величества Александра I, Самодержца Всероссийского. В: его же, Сочинения, т. 1, Санкт-Петербург, 1848, с. 204
- 12 См.: Baszkiewicz, J., Ryszka, J.: Historia doktryn politycznych i prawnych. Warszawa, 1969, s. 214-234.
- 13 Радишев, А.Н.: Снадцатое столетие. В: Полное собрание... т. 1, с. 4.

- 14 Карамзин, Н.М.: На торжественное коронование..., с. 204.
- 15 Там же: с. 206.
- 16 Жуковский, В.А.: Певец в Кремле. В: его же, Сочинения в стихах и прозе, Санкт-Петербург, 1901, с. 132.
- 17 Там же: с. 130.
- 18 Жуковский, В.А.: Императору Александру. В: его же, Стихотворения, Ленинград, 1956, с. 165.
- 19 Пушкин, А.С.: Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, Москва 1966, с. 146.

- 20 Вяземский, П.А.: Записные книжки (1813-1848). Издание подготовила Печезава, В.С., Москва 1963, с. 101. На эту тему см.: Galon-Kurkowa, K.: Na wyżynach wolności... (Z problematyki nobytu Piotra Wiazemskiego w Krakowie). W: Studia polono-slawicno-orientalia. Acta litteraria. Pod red. B. Białokozowicza, t. VI, Warszawa, 1980, s. 47-49.

THE RUSSIAN PANEGRYRIC ODE IN THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Krystyna Galon-Kurkova

The main topic of this article is a survey of the problems of the Russian panegyric ode from the years 1801-1815. It concentrates on the representative texts addressed to Alexander I. Their analysis proves that Alexander's hopeful accession to the throne intensified the development of the ode. The genre itself originated in Russia before the times of Peter the Great. For Peter the Great himself, the ode was an important political instrument.

The panegyric poetry of the Classical period could be divided into two main trends: Lomonosovian, full of patriotic pathos, where the main hero becomes only a pretext, and Dierzavinian, with a trace of humorous distance, concentrating on the personality and moral features of the ruler. Both trends can be found in panegyric poetry connected with the coronation of Alexander I. Dierzavin remains faithful to his formula of "a man on the throne". Karamzin, on the other hand, attempts to synthesize the two traditional trends. However, both poets have in common the concept of society as a big family, weakened by an emotional attitude towards a father-ruler.

The representatives of the enlightened nobility developed in the 18th century had great expectations connected with the new emperor.

The "coronation" poetry, then, presents these expectations. The panegyric wave weakened later after Alexander's failures in foreign policy and before his planned social reforms in Russia, violently opposed by the traditionalists.

The next explosion of panegyric creativity is connected with the victory over Napoleon in Russia, which was a crucial historical event for the country. Then old Dierzavin comes back adding some features of a triumphant leader to his picture of a humane ruler. However, Zukovski's ode "To Emperor Alexander" represents a more modern outlook. The form remains traditional but the content shows deep changes in the Russian consciousness caused by that heroic uprising of the whole nation. The poet turns to the emperor on behalf of the nation whose deeds proved its greatness. Zukovski is far from being radical. He is merely a humanist when he asks the emperor to do everything he can to help the nation to achieve happiness. The author is extremely careful with the choice of words, but the words about the emperor being responsible not only before god but also before his people were a revelation for the poet's contemporaries. Zukovski concludes that the ruler is, like the whole nation, "the son of the fatherland". That implies, although it was not intended by the author, that it is doubtful whether the ruler's power comes from god himself.

The problems mentioned by the author became central for Russian intellectual life in the years 1816-1825. They were taken up by the new, so-called Pushkin-Diekabrist generation of poets. However, this generation, fascinated by the emperor's promises of social reforms, also published a panegyric poem similar to Classi-

cal ones - P. Viazemski's "Petersburgh". The poem is close to the traditional form of the genre, but it is also different because it demands basic changes instead of only expressing hope. The poem puts new content into the old form and becomes a kind of turning point. Afterwards the new revolutionary Russian poetry, in the name of liberty, turned against the ruler who disappointed the nation.